

УДК 327.8

Шаройченко Н. Д.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ «МЯГКОЙ СИЛЕ» РОССИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЁРСТВА

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать использование структурами ЕС применяемых ими понятий «гибридные угрозы» и «мягкая сила» в контексте политики России по отношению к странам Восточного партнёрства, являющимся зоной столкновения стратегических интересов РФ и ЕС.

Процедура и методы. Представления ЕС о так называемых «гибридных угрозах» и «мягкой силе» России, а также особенности противодействия им исследуются с помощью анализа теоретических подходов и дискурс-анализа.

Результаты. Демонстрируется, что «мягкая сила» России в отношении стран Восточного партнёрства определяется структурами ЕС как «гибридная угроза».

Теоретическая и практическая значимость. В данной статье раскрываются понятия «мягкой силы» и «гибридных угроз» применительно к России, ЕС и странам Восточного партнёрства в условиях всё более частого использования данных терминов в международных отношениях и их неоднозначной трактовки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Европейский Союз, гибридные угрозы, мягкая сила, Глобальная стратегия Европейского Союза, Россия, Восточное партнёрство

СТРУКТУРА

Введение

«Гибридные угрозы» и «мягкая сила»: теория и практика

Основные виды «гибридных угроз» для ЕС в Восточном партнёрстве и противодействие им

Заключение

N. Sharoichenko

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovskiy prosp. 27 str. 4, Moscow 119991, Russian Federation

EUROPEAN UNION POLICY IN THE AREA OF COUNTERING SOFT POWER OF RUSSIA IN THE STATES OF THE EASTERN PARTNERSHIP

ABSTRACT

Aim. To analyze how the EU perceives the concepts “hybrid threats” and “soft power” in the context of Russian policy towards the Eastern Partnership states, which are a zone of clashing strategic interests of Russia and the EU.

Methodology. The research on the EU's perception of the so-called hybrid threats and soft power of Russia and the peculiarities of countering them is carried out using analysis of theoretical approach and discourse analysis.

Results of the study show that Russia's soft power relating to the Eastern Partnership states is viewed as a hybrid threat by the EU.

Research implications. The article explores and clarifies the terms "soft power" and "hybrid threats" applied to Russia, the EU and the Eastern Partnership countries considering the fact that these notions are used more and more frequently in International Relations and are interpreted ambiguously.

KEYWORDS

European Union, hybrid threats, soft power, European Union Global Strategy, Russia, Eastern Partnership

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная стратегия Европейского союза «Общее видение, общие действия: более сильная Европа», утверждённая в июле в 2016 г., обозначила новый, мультинаправленный и комплексный характер обеспечения безопасности в Европе. Одними из ключевых проблем «защиты Союза», помимо терроризма, экономической нестабильности и изменения климата, стали так называемые «гибридные угрозы»¹. Данный термин изначально относился к военным операциям и сформировался вследствие развития концепции гибридных войн, активно используемой США в контексте борьбы с терроризмом, работы НАТО и потенциальных угроз со стороны России [8, р. 28; 1, с. 7]. ЕС признаёт, что понятие «гибридные угрозы» является «политически субъективным»² и ему сложно дать точное определение, так как оно простирается от сфер информационной безопасности и критической инфраструктуры до подрывания авторитета правительств и влияния на общественное мнение [11, р. 148]. При этом самым общим объяснением концепции являются «сложности, создаваемые местным влиянием сильных государств, не входящих в ЕС», к которым ЕС в своей сфере влияния («соседстве») относит Турцию, Китай, Саудовскую Аравию³ и главным образом Россию [5, р. 64; 10, р. 13, 97]. Таким образом, «гибридные угрозы» являются частью интерпретации Европейским союзом политической реальности современных международных отношений и напряжённых отношений с Россией.

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 23.12.2020).

² Fiott D., Parkes R. Protecting Europe: The EU's response to hybrid threats [Электронный ресурс] // EUISS Chailot Paper 151. April 2019. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_151.pdf (дата обращения: 23.12.2020).

³ Countering hybrid threats: EU and the Western Balkans case [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603851/EXPO_STU\(2018\)603851_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603851/EXPO_STU(2018)603851_EN.pdf) (дата обращения: 23.12.2020).

Данная работа ставит целью изучение содержания понятия «гибридные угрозы» для ЕС, а также рассмотрение мер противодействия данным «угрозам» после принятия Глобальной стратегии 2016 г. Для этого в статье с помощью дискурс-анализа будет исследовано, как ЕС воспринимает «гибридные угрозы» и определяет необходимые ответные действия на примере столкновения интересов ЕС и России в странах Восточного партнёрства⁴. Данное направление политики является самым ярким примером использования термина «гибридные угрозы» и его переплетения с понятием «мягкая сила», что особенно типично для внешнеполитической стратегии ЕС по отношению к России [14, p. 72–73].

Актуальность данного исследования обусловлена развитием политического дискурса по проблематике «гибридных угроз» как в отношениях России и ЕС, так и в российско-американских⁵, евро-китайских⁶ и американско-китайских отношениях⁷. «Гибридные угрозы» находятся в фокусе множества стратегических документов западных государств (например, меморандум НАТО об учреждении Европейского центра передового опыта по противодействию «гибридным» угрозам, План ЕС по борьбе с дезинформацией⁸, Стратегический план ЕС на 2019–2024 гг.⁹).

«ГИБРИДНЫЕ УГРОЗЫ» И «МЯГКАЯ СИЛА»: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Европейский совет по внешней политике определяет «гибридные угрозы» как «использование спонсированных государством акторов, не всегда признающих себя государственными, не применяющих физическое насилие, цель которых – заставить объект угрозы подчиниться стратегическим интересам агрессора», и называет их троянским конём современности для

⁴ Восточное партнёрство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euneighbours.eu/ru/policy/vostochnoe-partnerstvo> (дата обращения: 25.12.2020).

⁵ Ball J. To Counter Hybrid Threats, U.S. Must Redefine Conception of Warfare // Global Security Review : [сайт]. [07.06.2019]. URL: <https://globalsecurityreview.com/reconceptualizing-acts-foreign-aggression> (дата обращения: 25.12.2020).

⁶ China as Hybrid Threat in Central and Eastern Europe // China Observers : [сайт]. [23.10.2020]. URL: <https://chinaobservers.eu/china-as-hybrid-threat-in-central-and-eastern-europe> (дата обращения: 25.12.2020).

⁷ Speranza L. China Is NATO's New Problem // Foreign Policy : [сайт]. [08.07.2020]. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/08/china-nato-hybrid-threats-europe-cyber> (дата обращения: 25.12.2020).

⁸ Action Plan against Disinformation: Report on Progress [Электронный ресурс] // European Commission. June 2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/factsheet_disinfo_elex_140619_final.pdf (дата обращения: 25.12.2020).

⁹ A New Strategic Agenda for the EU // European Council, Council of the European Union : [сайт]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/eu-strategic-agenda-2019-2024> (дата обращения: 25.12.2020).

безопасности ЕС¹⁰. Так, «гибридные угрозы» представляются неким промежуточным звеном между понятиями «мягкой» и «жёсткой» сил, являясь по своим методам и практике реализации первой, но по своему масштабу и серьёзности для оценки угроз безопасности соответствуя второй. Именно из-за этого качества «гибридных угроз» ответ на них со стороны ЕС должен охватывать множество зон ответственности в политике, из-за чего «гибридные угрозы» и были внесены в Глобальную стратегию 2016 г. среди других крайне важных проблем, с которыми сталкивается Европа на пути к обеспечению своей безопасности и реализации внешнеполитических целей [18, р. 378; 7, р. 1262].

В отчётах европейских исследовательских центров и аналитических агентств часто можно встретить синонимичное употребление фраз «противодействие мягкой силе» / «влиянию» / «пропаганде» / «угрозам» в отношении России¹¹. По мнению эксперта «Вышеград Инсайт», преподавателя Карлова университета (Чехия) А. Кажарски, использование термина «мягкая сила» в отношении России некорректно, поскольку сам термин Россию представляет «извращённо», подразумевая «манипуляцию и дезинформацию»¹². Автор утверждает, что определение «мягкой» силы, по Дж. Наю, одному из главных теоретиков международных отношений современности, отражало чёткий контраст по отношению к «жёсткой», грубой, военной силе и не предусматривало «угроз и взяток» [20, р. 157; 21, р. 75; 25, р. 255]. Подобные явления также наблюдаются, по мнению Кажарски, в китайской политике, что в очередной раз подтверждает концептуальное группирование России и Китая в блок, противостоящий целям и ценностям европейской политики¹³. Сам Дж. Най в 2018 г. разработал новый термин «sharp power» («острая сила») в отношении России и Китая, включающий в себя то, о чём писал Кажарски: информационное влияние, кибератаки и фейковые новости [2, с. 23; 12, р. 326]. Най отметил, что, если методы «мягкой» силы используются для распространения враждебной информации и обмана со стратегическими

¹⁰ Gressel G. Protecting Europe against hybrid threats // European Council on Foreign Relations: [сайт]. [25.06.2019]. URL: https://ecfr.eu/publication/protecting_europe_against_hybrid_threats/ (дата обращения: 27.12.2020).

¹¹ Kazharski A. To the Kremlin and Back Again: What Western Commentators Don't Get about "Russian Soft Power" // Visegrad Insight: [сайт]. [24.02.2020]. URL: <https://visegradinsight.eu/to-the-kremlin-and-back-again-soft-power/> (дата обращения: 27.12.2020); Актырк S. Five Faces of Russia's Soft Power // PONARS Eurasia Policy Memo No.623. November 2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepr623_Akturk_Nov2019_1.pdf (дата обращения: 27.12.2020); Lomtadze G. Russia's Soft and Hard Power in Georgia // Institute for Development of Freedom of Information: [сайт]. [17.03.2017]. URL: https://idf.ge/en/russias_soft_and_hard_power_in_georgias (дата обращения: 27.12.2020).

¹² Kazharski A. Указ. ист.; Hybrid threats // Kingdom of Belgium, Foreign Affairs, Foreign Trade and Development Commission: [сайт]. URL: https://diplomatie.belgium.be/en/policy/policy_areas/peace_and_security/hybrid_threats (дата обращения: 27.12.2020).

¹³ Kazharski A. Указ. ист.

целями, эта сила уже не «мягкая», и такое «продвижение» страны на мировой арене необходимо пресекать¹⁴.

С точки зрения А. Казанцева (МГИМО) и П. Рутленда (Университет Уэслиан, США), неприятие «мягкой силы» России на постсоветском пространстве объясняется боязнью ЕС усиления влияния РФ в странах Восточного партнёрства. Даже Беларусь, самое дружественное к РФ государство, якобы опасается потери собственного суверенитета и передачи политической власти Москве [23, р. 403]. В целом влияние России после событий в Грузии в 2008 г. и присоединения Крыма, которое, что примечательно, отдельно упоминается в Глобальной стратегии 2016 г. в контексте поддержки Украине¹⁵, расценивается как негативное и трактуется как «гибридная угроза» – угроза политического и информационного влияния. Авторы приводят цитату Президента РФ В. В. Путина: «образ России за рубежом создаётся не нами, он часто искажён и не отражает реальной ситуации...» – и при этом подчёркивают, что Россия «поздно вступила в гонку по “мягкой силе”, и её действия в Грузии и Украине, недостаточная экономическая власть и информационные скандалы, ассоциирующиеся со СМИ “Россия Сегодня”, не позволяют России использовать “мягкую силу” по назначению» [23, р. 410]. Всё это заставляет западные страны видеть в действиях России продолжение «шпионских» методов советской эпохи и «жёсткой» силы¹⁶. Как отмечает Ю. Киселева, российское понимание «мягкой силы» называют «гегемонистским», поскольку оно исходит из восприятия Россией себя как «великой державы», которая хочет «догнать и перегнать» другие сильные государства [16, р. 318].

Как видим, граница между «мягкой силой» и «гибридными угрозами» во внешнеполитическом восприятии России Европейским союзом очень условна. «Стандартная» «мягкая сила» (по теории Дж. Ная) ЕС и его партнёров демонстрируется в позитивном ключе и в Глобальной стратегии ЕС 2016 г.¹⁷, и во множестве документов органов ЕС, особенно Европейской службы внешних связей (ЕСВС)¹⁸, подчёркивается её важность в контексте обеспечения справедливого мирового порядка, в то время как влияние России рассматривается в негативном ключе по умолчанию.

¹⁴ Nye J. S. How Sharp Power Threatens Soft Power // Foreign Affairs : [сайт]. [24.01.2018]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 27.12.2020).

¹⁵ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. Указ. ист.

¹⁶ Леонтьев М. Мягкая сила // Однако : [сайт]. [09.02.2016]. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/myagkaya-sila-realnaya-effektivnaya-yavlyaetsya-proekciy-zhestkoy-sili> (дата обращения: 27.12.2020).

¹⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. Указ. ист.

¹⁸ Several Outlets – Europe Must Learn Quickly to Speak the Language of Power // EEAS : [сайт]. [29.10.2020]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/87754/several-outlets-europe-must-learn-quickly-speak-language-power_en (дата обращения: 28.12.2020).

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ «ГИБРИДНЫХ УГРОЗ» ДЛЯ ЕС В ВОСТОЧНОМ ПАРТНЁРСТВЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИМ

Для определения «гибридных угроз» для ЕС в контексте отношений с Россией и со странами Восточного партнёрства, выявления способов борьбы с ними данное исследование в первую очередь опиралось на отчёт Института ЕС по исследованиям безопасности (ISS) – агентства ЕС, занимающегося экспертным анализом вопросов внешней политики, политики безопасности и обороны¹⁹. Флагманский отчёт «Защищая Европу: ответ ЕС на “гибридные угрозы”» – один из важнейших для анализа документов по этой теме в целом, богат на детализацию и анализ угроз конкретно со стороны России по отношению к ЕС и странам Восточного партнёрства. Турция и Китай, также появляющиеся в списке стран-источников «гибридных угроз», упоминаются всего несколько раз каждый, в то время как в каждом разделе документа речь идёт о России, часто непосредственно со словом «угроза» в одном предложении²⁰.

Отчёт начинается с утверждения, что «в Украине – и не только – ЕС старается противостоять враждебным действиям России», которые являются «нетрадиционными, гибридными угрозами» ключевым основам политики и безопасности ЕС²¹. Таким образом, область применения понятия «гибридных угроз» для ЕС сразу обозначается в отношении России и стран Восточной Европы. Данные «действия» подразделяются на три ключевых группы: *пограничное влияние, критическая инфраструктура и влияние в информационном поле*. В качестве объектов анализа в данной работе были выбраны первая и третья группы, так как второй раздел отчёта посвящён именно ЕС и различным аспектам его безопасности в отношении инфраструктуры.

Касаемо пограничного влияния авторы отчёта подчёркивают, что угрозой для стран перекрёстного влияния ЕС и России со стороны последней являются не «солдаты в зелёной форме без опознавательных знаков, пересекающие границы Украины», а целый комплекс геополитических факторов, связанных со столкновением интересов ЕС и России в регионе и безопасностью шенгенской зоны. По утверждению ISS, Россия занимается анти-европейской пропагандой, политизируя Шенгенское соглашение и распространяя «искажённую» информацию о приёме мигрантов и беженцев на территории ЕС²². Так, в отчёте говорится о том, что Россия распространяет информацию среди соседей, что Европа «закрывается» от России и стран постсоветского пространства, а украинцам и молдаванам выдаёт визы «бесконтрольно», чтобы

¹⁹ European Union Institute for Security Studies (EUISS) // European Union : [сайт]. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/agencies/iss_en (дата обращения: 29.12.2020).

²⁰ Fiott D., Parkes R. Specified source.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

сделать ЕС для них более привлекательным и поддержать «революции»²³. В документе также указывается, что ЕС намерен противостоять «агрессивной паспортизации» России в Грузии в качестве противовеса «прецеденту» упрощения виз для граждан Украины и Молдовы, что привлекало внимание ряда исследователей и до издания отчёта [17, р. 1467; 4, р. 94; 9, р. 497]. При этом в данном разделе отчёта не говорится о каких-либо тесных связях в постсоветском пространстве как факторе распространения российского влияния и «мягкой силы», что часто встречается у исследователей из государств Восточного партнёрства²⁴. Это, с одной стороны, говорит об отсутствии или игнорировании «внутренних» инсайтов и, с другой стороны, демонстрирует фокус исключительно на аспектах права пересечения границ. В данном случае Россия соблюдает все правила и также рассматривает среди приоритетов внешнеполитической деятельности охрану государственных границ, особенно в контексте рубежей НАТО²⁵.

Ответами на данный тип «гибридных угроз» ЕС видит развитие систем обмена информацией между странами-членами ЕС и их партнёрами, что уже активно реализуется в рамках мандата Агентства ЕС по безопасности внешних границ Frontex²⁶ и восточноевропейской повестки ECBC, и перераспределение средств, выделяемых на охрану границ, с целью покрыть расходы именно на борьбу с «нетрадиционными» угрозами. Больше всего в этой сфере проявляется нарратив «солидарности», т. к. в отчёте делается акцент на объединённые действия стран-членов ЕС и их восточных партнёров против возникающих угроз и «уязвимости», подчёркиваются их серьёзность и важность выработки мер защиты от них для ЕС и его соседей.

Пожалуй, самым разнообразным и интересным для анализа аспектом «гибридных угроз» в контексте России и Восточного партнёрства является информационно-коммуникационная сфера и кибербезопасность. Раздел, посвящённый этой теме в отчёте, назван «Сердца и умы» и начинается с громких слов «Не верьте правде». Как было подмечено в вышеупомянутой статье П. Рутленда и А. Казанцева, ISS часто ссылается на историю: на пропаганду СССР в период Холодной войны «против США и их союзников», которыми

²³ Fiott D., Parkes R. Specified source.

²⁴ Gogolashvili K. et al. Hybrid Threats in EaP Countries: Building a Common Response [Электронный ресурс] // Eastern Partnership Civil Society Forum. Tbilisi, Chisinau, Kyiv, Erevan, Brussels, 2019. URL: https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/Policy-paper_2019_EN_hybrid-threats-in-eap-and-common-response.pdf (дата обращения: 29.12.2020).

²⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30.11.2016) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 29.12.2020).

²⁶ Frontex: European Border and Coast Guard Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://frontex.europa.eu> (дата обращения: 29.12.2020).

тогда являлись активно кооперирующиеся страны Европы, и на отдел «Д» («дезинформация») в КГБ. В наше же время, по мнению авторов отчёта, доминирует не пропаганда, а дезинформация, которая влечёт за собой «нарушение доверия, антипатию» и «разрозненность» (множество раз повторяющийся нарратив), что имеет более глубокие последствия как для внутренней, так и для внешней политики ЕС, особенно в отношении восточных соседей²⁷. В связи с этим указывается, что необходимо реагировать на угрозы, адаптируясь к современным условиям информационного общества и демонстрируя «устойчивость» («resilience») ЕС и его соседей, упомянутую в Глобальной стратегии 2016 г. и означающую адаптацию к внешним событиям и эффективное реагирование на угрозы [3, с. 104; 15, р. 4].

С точки зрения ЕС, основной площадкой распространения «гибридных угроз» и негативно воспринимаемой «мягкой силы» России в данном случае часто являются социальные сети. ISS отмечает распространённость проправительственных «пустых» аккаунтов в Фейсбуке²⁸ и Твиттере, комментирующих события в странах Восточного партнёрства. Активность российских пользователей в Твиттере отмечали многие исследователи и аналитические агентства, подчёркивая распространение через него влияния России и пропаганды, например, во время Чемпионата мира по футболу в 2018 г. [19, р. 1].

Якобы усиливает «информационные угрозы» со стороны России фактор распространённости русского языка в странах Восточного партнёрства, из-за чего, с точки зрения ЕС, искажённая информация гораздо быстрее распространяется в данных государствах и усиливает негативное влияние РФ на население и политику соседних стран, даже в контексте дружественного сотрудничества, политической и экономической помощи²⁹. В рамках проекта «Восточное партнёрство 2.0» были опубликованы работы, поясняющие опасность пропаганды на русском языке для обществ Украины, Молдовы и Грузии, а также для восточноевропейского направления политики ЕС в целом³⁰. Особенно часто эта тема поднималась в Украине, где в июле 2019 г. был принят закон, исключивший русский язык из списка официальных, который

²⁷ Fiott D., Parkes R. Указ. ист.

²⁸ Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 21 марта 2022 г. (прим. ред.).

²⁹ Gotişan V. Russian soft power in Moldova: fake news, media propaganda and information warfare // Zentrum Liberale Moderne : [сайт]. [24.08.2020]. URL: <https://libmod.de/en/russian-soft-power-in-moldova-fake-news-media-propaganda-and-information-warfare> (дата обращения: 29.12.2020).

³⁰ Yermolenko V. Why Russian soft power is a threat for both Ukraine and Europe // Zentrum Liberale Moderne : [сайт]. [25.08.2020]. URL: <https://libmod.de/en/why-russian-soft-power-is-a-threat-for-both-ukraine-and-europe> (дата обращения: 29.12.2020).

Совет Европы счёл слишком радикальным³¹, а МИД РФ – противоречащим Конституции самой Украины³².

Рис. 1 / Fig. 1. Заголовок интернет-статьи “Чего добился прокремлёвский медиастратег в Беларуси?” / Internet Article Headline “What Have Pro-Kremlin Media Strategist Achieved in Belarus?”

Источник: What have pro-kremlin media strategists achieved in Belarus? //

EU vs DisInfo : [сайт]. URL: <https://euvsdisinfo.eu/what-have-pro-kremlin-media-strategists-achieved-in-belarus> (дата обращения: 29.12.2020).

В качестве основного инструмента по борьбе с дезинформацией выделяется Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (ЕС СтратКомм), созданная ЕСБС в 2015 г. после присоединения Россией Крыма для помощи делегациям ЕС в странах Восточного партнёрства [6, р. 137]. Главным проектом этой группы является «EU vs DisInfo» (ЕС против дезинформации), сайт с новостной аналитикой и базой данных по информационным угрозам от России [24, р. 1667; 22, р. 428]. Новостные статьи отличаются саркастическим тоном и сопровождаются концептуальными изображениями по теме (рис. 1, 2, 3). EU vs DisInfo также регулярно собира-

³¹ State Language Law of Ukraine fails to strike balance between strengthening Ukrainian and safeguarding minorities' linguistic rights, says Venice Commission // Council of Europe Communications : [сайт]. [06.12.2019]. URL: https://search.coe.int/directorate_of_communications/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016809933ef (дата обращения: 29.12.2020).

³² МИД счёл закон об украинском языке противоречащим Конституции Украины // РБК : [сайт]. [25.04.2019]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc1b8a89a79475385f006df> (дата обращения: 29.12.2020).

ет статистику по дезинформации, отражая, сколько случаев дезинформации произошло за период (месяц, неделя), на каких языках, какие главные темы были подняты в «искажённых» статьях. На сайте представлен и поиск по странам, датам и событиям, отражающий материалы, которые ЕС считает дезинформирующими.

Рис. 2 / Fig. 2. Заголовок интернет-статьи “Крёстный отец, Содом и русская угроза” / Internet Article Headline “The Godfather, the Sodom and the Russian Threat”.
 Источник: The Godfather, the Sodom and the Russian threat // EU vs DisInfo: [сайт]. URL: <https://euvdisinfo.eu/the-godfather-the-sodom-and-the-russian-threat> (дата обращения: 29.12.2020).

Важно также отметить, что, исходя из опыта создания ЕС СтратКом-ма и развития проектов по борьбе с дезинформацией в Южном соседстве и Балканском регионе в 2018 г., Европейская комиссия выпустила Коммюнике по борьбе с онлайн-дезинформацией и Кодекс практик по борьбе с дезинформацией³³. Данные документы обозначили запуск программы «медиаграмотности» в ЕС и соседних странах – специальных сайтов и материалов, доступных для общественности, на которые ЕС сделал основную ставку в борьбе с «гибридными угрозами» и «негативным» влиянием России [13, р. 28]. В программу входил и «пакет по выборам», подразумевающий разбор дезинформирующих новостей о выборах и обучение навыкам определения фейковых утверждений, в частности, на примере

³³ Communication – Tackling online disinformation: a European Approach // European Commission : [сайт]. [26.04.2018]. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-tackling-online-disinformation-european-approach> (дата обращения: 02.02.2021).

Украины³⁴. Как отмечает ISS, важно не только понять, какие новости являются «ложными», но «шагнуть дальше» и «критически определить, какие акторы стоят за данными новостями и какие цели они преследуют»³⁵.

Рис. 3 / Fig. 3. Заголовок интернет-статьи “Борьба с вирусом дезинформации: издание из Грузии” / Internet Article Headline “Fighting the Disinformation Virus: Georgia Edition”.

Источник: Fighting the disinformation virus: Georgia Edition // EU vs DisInfo : [сайт]. URL: <https://euvdisinfo.eu/fighting-the-disinformation-virus-georgia-edition> (дата обращения: 29.12.2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сказать, что Европейский союз трактует «мягкую» силу России как «гибридную угрозу» в отношении стран Восточного партнёрства. Практически любое влияние России на соседей во многих европейских исследованиях и отчётах приравнивается к пропаганде и угрозам, что демонстрирует общий нарратив и понимание «гибридных угроз» в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. «Мягкая сила» России для ЕС представляется «искажённой» и больше соответствующей новому виду «острой» силы по Дж. Наю, использующейся для «обмана» и «распространения враждебной информации», что не соответствует «классической» «мягкой силе», по мнению западных политологов.

«Гибридные угрозы», связанные с пограничным влиянием России в странах Восточного партнёрства, понимаются в разрезе манипуляции ин-

³⁴ Fiott D., Parkes R. Указ. ист.

³⁵ Там же.

формацией и политических решений, направленных на привлечение граждан этих государств и создание положительного образа России, что является критичным в контексте разделения и конкуренции интересов России и ЕС в данных странах и особых визовых условий ЕС для граждан Украины и Молдовы.

Информационная сфера, коммуникации и дезинформация занимают крайне важное место в политике ЕС. Влияние России в регионе рассматривается как способ насаждения её интересов и пропаганда. Для борьбы с российским влиянием в ЕС созданы агентства и специальные информационные проекты, приняты планы действий и тематические документы. Все эти факты, а также ведущие нарративы в тексте отчёта о «гибридных угрозах» Института ЕС по исследованиям безопасности говорят о том, что именно распространяемая Россией информация более всего страшит Европейский Союз. Россия рассматривается Европой как опасный конкурент в битве за «сердца и умы» жителей стран Восточного партнёрства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозеров В. К., Соловьев А. В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. Т. 23. № 9. С. 5–11.
2. Леонова О. Г. Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 21–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28
3. Романова Т. А., Павлова Е. Б. Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 102–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109
4. Addemer E., Delcour L. With a little help from Russia? The European Union and Visa Liberalization with Post-Soviet States // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 57. № 1. P. 89–112. DOI: 10.1080/15387216.2016.1178157
5. Bajarūnas E., Kerdžanskas V. Hybrid Threats: Analysis of Content, Challenges Posed and Measures to Overcome // Lithuanian Annual Strategic Review. 2018. Vol. 16. № 1. P. 62–70.
6. Bjola C., Pamment J. Digital Containment: Revisiting Containment Strategy in the Digital Age // Global Affairs. 2016. Vol. 2. № 2. P. 131–142.
7. Carrapico H., Barrinha A. The EU as a Coherent (Cyber) Security Actor? // Journal of Common Market Studies. 2017. Vol. 55. № 6. P. 1254–1272. DOI: 10.1111/jcms.12575
8. Casey G. C. America's Army in an Era of Persistent Conflict // Army Magazine. 2008. Vol. 58. № 10. P. 19–28.
9. Delcour L. 'You Can Lead a Horse to Water, but You Can't Make It Drink': the EU's and Russia's Intersecting Conditionalities and Domestic Responses in Georgia and Moldova // European Politics and Society. 2018. Vol. 19. № 4. P. 490–505.

10. Europe's Hybrid Threats: What Kinds of Power Does the EU Need in the 21st Century? / ed. G. Sadik. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. 135 p.
11. Giumelli F., Cusumano E., Besana M. From Strategic Communication to Sanctions: The European Union's Approach to Hybrid Threats // A Civil-Military Response to Hybrid Threats / ed. E. Cusumano, M. Corbe. London: Palgrave Macmillan; Cham, 2018. P. 145–167. DOI: 10.1007/978-3-319-60798-6_8
12. Gvosdev N. K. Is Russia Sabotaging Democracy in the West? // Orbis. 2019. Vol. 62. № 3. P. 321–333. DOI: 10.1016/j.orbis.2019.05.010
13. Hossov6 M. Fake News and Disinformation: Phenomenons of Post-Factual Society // Media Literacy and Academic Research. 2018. Vol. 1. № 2. P. 27–35.
14. Huseynov V. Soft Power Geopolitics: How Does the Diminishing Utility of Military Power Affect the Russia-West Confrontation over the "Common Neighbourhood" // Eastern Journal of European Studies. 2016. Vol. 7. № 2. P. 71–90.
15. Juncos A. E. Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: A Pragmatist Turn? // European Security. 2017. Vol. 26. № 1. P. 1–18. DOI: 10.1080/09662839.2016.1247809
16. Kiseleva Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // Politics. 2015. Vol. 35. № 3-4. P. 316–329. DOI: 10.1111/1467-9256.12100
17. Littlefield S. Citizenship, Identity and Foreign Policy: The Contradictions and Consequences of Russia's Passport Distribution in the Separatist Regions of Georgia // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. № 8. P. 1461–1482.
18. Mälksoo M. Countering Hybrid Warfare as Ontological Security Management: The Emerging Practices of the EU and NATO // European Security. 2018. Vol. 27. № 3. P. 374–392.
19. Meier H. E. et al. Politicization of a Contested Mega Event: The 2018 FIFA World Cup on Twitter // Communication & Sport. 2019. № 1-26. P. 1–20. DOI: 10.1177/2167479519892579
20. Nye J. S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153–171.
21. Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.
22. Ördén H. Deferring Substance: EU Policy and the Information Threat // Intelligence and National Security. 2019. Vol. 34. № 3. P. 421–437.
23. Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's 'soft power' // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9 (3). P. 395–413. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232287
24. Wagnsson C. Normative Power Europe Caving In? EU under Pressure of Russian Information Warfare // Journal of Common Market Studies. 2018. Vol. 56. № 5. P. 1161–1177. DOI: 10.1111/jcms.12726
25. Wigell M. Hybrid Interference as a Wedge Strategy: A Theory of External Interference in Liberal Democracy // International Affairs. 2019. Vol. 95. № 2. P. 255–275.

REFERENCES

1. Belozerv V. K., Solov'ev A. V. [Hybrid War in the Domestic Political and Scientific Discourse]. In: *Vlast'* [The Authority], 2015, vol. 23, no. 9, pp. 5–11.
2. Leonova O. G. [Sharp Power – The New Technology of Influence in a Global World]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 2, pp. 21–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28
3. Romanova T. A., Pavlova E. B. [Resilience in the European Union and Russia: Essence and Perspectives of the New Concept]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 6, pp. 102–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109
4. Addemer E., Delcour L. With a little help from Russia? The European Union and Visa Liberalization with Post-Soviet States. In: *Eurasian Geography and Economics*, 2016, vol. 57, no. 1, pp. 89–112. DOI: 10.1080/15387216.2016.1178157
5. Bajarūnas E., Kerđanskas V. Hybrid Threats: Analysis of Content, Challenges Posed and Measures to Overcome. In: *Lithuanian Annual Strategic Review*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 62–70.
6. Bjola C., Pamment J. Digital Containment: Revisiting Containment Strategy in the Digital Age. In: *Global Affairs*, 2016, vol. 2, no. 2, pp. 131–142.
7. Carrapico H., Barrinha A. The EU as a Coherent (Cyber) Security Actor? In: *Journal of Common Market Studies*, 2017, vol. 55, no. 6, pp. 1254–1272. DOI: 10.1111/jcms.12575
8. Casey G. C. America's Army in an Era of Persistent Conflict. In: *Army Magazine*, vol. 58, no. 10, pp. 19–28.
9. Delcour L. 'You Can Lead a Horse to Water, but You Can't Make It Drink': the EU's and Russia's Intersecting Conditionalities and Domestic Responses in Georgia and Moldova. In: *European Politics and Society*, 2018, vol. 19, no. 4, pp. 490–505.
10. Sadik G., ed. Europe's Hybrid Threats: What Kinds of Power Does the EU Need in the 21st Century? Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2017. 135 p.
11. Giumelli F., Cusumano E., Besana M. From Strategic Communication to Sanctions: The European Union's Approach to Hybrid Threats. In: Consumano E., Corbe M., eds. *A Civil-Military Response to Hybrid Threats*. London, Palgrave Macmillan, Cham, 2018, pp. 145–167. DOI: 10.1007/978-3-319-60798-6_8
12. Gvosdev N. K. Is Russia Sabotaging Democracy in the West? In: *Orbis*, 2019, vol. 62, no. 3, pp. 321–333. DOI: 10.1016/j.orbis.2019.05.010
13. Hossov6 M. Fake News and Disinformation: Phenomenons of Post-Factual Society. In: *Media Literacy and Academic Research*, vol. 1, no. 2, pp. 27–35.
14. Huseynov V. Soft Power Geopolitics: How Does the Diminishing Utility of Military Power Affect the Russia-West Confrontation over the "Common Neighbourhood". In: *Eastern Journal of European Studies*, 2016, vol. 7, no. 2, pp. 71–90.

15. Juncos A. E. Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: A Pragmatist Turn? In: *European Security*, 2017, vol. 26, no. 1, pp. 1–18. DOI: 10.1080/09662839.2016.1247809
16. Kiseleva Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power. In: *Politics*, 2015, vol. 35, no. 3-4, pp. 316–329. DOI: 10.1111/1467-9256.12100
17. Littlefield S. Citizenship, Identity and Foreign Policy: The Contradictions and Consequences of Russia's Passport Distribution in the Separatist Regions of Georgia. In: *Europe-Asia Studies*, 2009, vol. 61, no. 8, pp. 1461–1482.
18. Mälksoo M. Countering Hybrid Warfare as Ontological Security Management: The Emerging Practices of the EU and NATO. In: *European Security*, 2018, vol. 27, no. 3, pp. 374–392.
19. Meier H. E., Mutz M., Glathe J., et al. Politicization of a Contested Mega Event: The 2018 FIFA World Cup on Twitter. In: *Communication & Sport*, 2019, no. 1-26, pp. 1–20. DOI: 10.1177/2167479519892579
20. Nye J. S. Soft Power. In: *Foreign Policy*, 1990, vol. 80, pp. 153–171.
21. Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.
22. Ördén H. Deferring Substance: EU Policy and the Information Threat. In: *Intelligence and National Security*, 2019, vol. 34, no. 3, pp. 421–437.
23. Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's 'soft power'. In: *Journal of Political Power*, 2016, no. 9, vol. 3, pp. 395–413. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232287
24. Wagnsson C. Normative Power Europe Caving In? EU under Pressure of Russian Information Warfare. In: *Journal of Common Market Studies*, 2018, vol. 56, no. 5, pp. 1161–1177. DOI: 10.1111/jcms.12726
25. Wigell M. Hybrid Interference as a Wedge Strategy: A Theory of External Interference in Liberal Democracy. In: *International Affairs*, 2019, vol. 95, no. 2, pp. 255–275.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 22.03.2021

Статья размещена на сайте: 06.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шаройченко Наталья Дмитриевна – аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: nsharoychenko@gmail.com

Natalia D. Sharoychenko – Postgraduate Student, Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University; e-mail: nsharoychenko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Шаройченко Н. Д. Политика Европейского Союза по противодействию «мягкой силе» России в странах Восточного партнёрства // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Sharoichenko N. D. European Union policy in the area of countering soft power of Russia in the states of the Eastern partnership. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru